

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Казанцев Артём Евгеньевич

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ
ЯПОНИИ В 2013–2022 ГГ.**

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Малявин Владимир Вячеславович

Москва – 2025

Описание замысла исследования

Актуальность темы исследования и постановка исследовательской проблемы.

Апелляции к памяти об историческом прошлом и манипулирование ею являются распространенным инструментом формирования коллективной идентичности народов и легитимации власти. Это отчетливо видно, в том числе, и на примере сегодняшних событий. В Азии связанные с историческим прошлым проблемы стоят едва ли не более остро, чем на Западе. Примером двух государств, двусторонние отношения между которыми травмированы военными конфликтами, являются Китай и Япония. В XIX–XX вв. Японская империя предприняла масштабную попытку по установлению своего порядка в регионе, лишив Китай статуса «вечной империи». Кульминацией этой попытки стала китайско-японская война (1931–1945 гг.), именуемая в Китае «войной сопротивления китайского народа японским захватчикам» (中国人民抗日战争) или «антияпонской войной» (抗日战争). Во время этой войны произошло множество трагических событий, оставивших глубокий след в коллективной памяти китайцев. Память о них вплоть до настоящего момента оказывает влияние на китайско-японские отношения. Ярким примером может служить трагическое убийство японского мальчика в китайском городе Шэньчжэнь 18 сентября 2024 года – в День памяти о Мукденском инциденте¹. Кроме того, такие проблемы исторического прошлого, как визиты (и подношения) японской элиты в храм Ясукуни², вопрос японских извинений³, смягчение трактовок событий китайско-японской войны (1931–1945 гг.)⁴ и др., до сих пор не удалось преодолеть.

По большей части это связано с двумя факторами: антияпонская война является важным событием, оказавшим влияние на формирование национальной идентичности современных китайцев. В то же время это не отменяет того факта, что китайскому руководству выгодно апеллировать к памяти о китайско-японском историческом прошлом для решения как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических задач, т.е. использовать историческую политику. В целом, к ней прибегали все руководители КНР.

¹ Кончина мальчика из Японии в результате удара ножом в Шэньчжэне является "единичным инцидентом" [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.news.cn/20240921/c6262f76fae54954a5fdec3edad58eb7/c.html> (дата обращения: 20.11.2024).

² Синтоистский храм, в котором почитаются души воинов, отдавших жизнь за родину. В том числе и во время Второй мировой войны. В 1978 году в Ясукуни были перенесены останки высшего руководства Японии военного времени. В Китае храм воспринимается как символ японского милитаризма.

³ Китайцы до сих пор полагают, что Япония не принесла Китаю исчерпывающих извинений за военную агрессию XIX–XX вв.

⁴ Некоторые силы в Японии придерживаются противоречивых оценок в отношении событий китайско-японского прошлого. Например, преуменьшают количество жертв, отрицают факт сексуальной эксплуатации женщин в военное время и т.п. В Китае это воспринимается как проявление исторического ревизионизма со стороны Японии.

В период с 2013 г. по 2022 г. перед КНР встает ряд проблем внутреннего характера, таких как снижение авторитета КПК и необходимость консолидации населения. Эти факторы обуславливают высокую актуальность исторической политики на данном этапе. К тому же, Китай начинает позиционировать себя в качестве великой державы (大国)⁵ и проводить все более активную внешнюю политику в русле концепции китайской мечты о «Великом возрождении китайской нации». Последнее напрямую связывается китайской элитой с победой в антияпонской войне⁶, что также не может не оказывать влияния на исторический нарратив КНР.

Вместе с тем в течение исследуемого периода в китайско-японских отношениях произошли значимые изменения. В конце 2012 – начале 2013 гг. случился самый масштабный кризис с момента восстановления дипломатических отношений между Китаем и Японией, вызванный обострением территориального спора вокруг Сэнкаку/Дяюйдао⁷ в Восточно-Китайском море. Китай считает острова своей территорией, которая была отторгнута Японией во время китайско-японской войны (1894–1895 гг.) вместе с Тайванем, т.к. была частью провинции Тайвань. После поражения в антияпонской войне Япония отказалась от прав на остров и формально он снова стал частью Китая. Однако, во-первых, японская сторона никогда прямо не заявляла о передаче Китаю Тайваня, а, во-вторых, Токио не считает, что Дяюйдао относились к провинции Тайвань. Так, Япония контролирует острова и не признает наличие территориального спора с КНР.

Хотя данный спор имеет длительную историю, особую актуальность он приобрел во время трансфера власти 5-му поколению руководителей КНР во главе с Си Цзиньпином, по причине национализации островов⁸ японским правительством. Основная задача Китая на данном этапе – побудить Японию признать территориальный спор и разрешить его в свою

⁵ 习近平：在纪念中国人民抗日战争暨世界反法西斯战争胜利 75 周年座谈会上的讲话 (Си Цзиньпин: Выступление на симпозиуме, посвященном 75-летию победы в войне сопротивления китайского народа японской агрессии и мировой антифашистской войне) [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-09/03/c_1126449917.htm (дата обращения: 28.08.2023).

⁶ Память о Второй мировой войне за пределами Европы / науч. ред. А.И. Миллер, А.В. Соловьев. Изд. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 6.

⁷ Подчеркнем, что автор не занимает политической позиции по данному вопросу, однако учитывая тот факт, что территориальный спор вокруг данных островов исследуется в контексте исторической политики КНР, в тексте также будет использован одиночный термин – Дяюйдао.

⁸ Известно, что в 1932 году японское правительство, осуществлявшее контроль на Сенкаку/Дяюйдао, продало несколько островов архипелага частным владельцам. В ходе переговоров по нормализации китайско-японских отношений в 1972 году китайская и японская стороны договорились не затрагивать данный вопрос, а в конце 1970-х годов Дэн Сяопин и премьер-министр Японии Такэо Фукуда согласились отложить его на неопределенный срок. Длительное время данный территориальный спор не стоял на повестке китайско-японских отношений. Однако в 2012 году правительство Японии приняло решение выкупить часть островов у частных лиц, т.е. произвести их национализацию. Если японцы считали данный вопрос внутренним делом государства (т.к. считали острова своей территорией), в КНР действия японской стороны были восприняты как попытка усилить государственный контроль над территорией, которая, по мнению китайского руководства, является исконно китайской. Это привело к наиболее масштабному кризису в китайско-японских отношениях с момента нормализации отношений в 1972 году.

пользу. Ярко выраженная историческая подоплека проблемы принадлежности Сэнкаку/Дяоюйдао также является одной из причин актуализации исторической политики КНР в течение исследуемого периода.

Важно отметить, что данный вопрос значим с точки зрения безопасности. В рамках исследуемого периода руководство КНР предпринимало активные попытки давления на Японию в Восточно-Китайском море, а Япония, в свою очередь, проводила политику по сдерживанию Китая. Это же касается и действий последнего в Тайваньском проливе. Возросшую остроту проблемы в Тайваньском проливе как для Китая, так и для Японии отмечает ряд исследователей⁹¹⁰. Япония крайне заинтересована в сохранении Тайванем фактической независимости. Существующее в настоящее время в Японии тайваньское лобби включает в себя влиятельных представителей японской элиты, преследующих как экономические и политические интересы, так и интересы государственной безопасности. По мнению последних, безопасность Японии напрямую связана с безопасностью Тайваня¹¹.

Данная проблема особенно остро проявилась в 2022 году после визита на остров спикера Палаты представителей американского Конгресса Нэнси Пелоси. Япония, действуя в русле своих стратегических интересов, предприняла ряд важных шагов по укреплению японо-тайваньского сотрудничества в области обороны. В КНР это было воспринято как грубое нарушение государственного суверенитета, что обусловило ряд ответных мер в отношении Токио со стороны китайского руководства. Так как аннексия Тайваня Японией после поражения Китая в китайско-японской войне (1894–1895 гг.) является одним из наиболее трагических эпизодов в истории китайско-японских отношений, историческая политика и на данном направлении обретает высокую актуальность как внешнеполитический инструмент КНР в отношении Токио.

Таким образом, высокая важность памяти об антияпонской войне для китайцев, а также острота проблем исторического прошлого в китайско-японских отношениях и необходимость поиска новых средств давления на Японию со стороны КНР обуславливают актуальность данного исследования.

Степень разработанности проблемы. Проблемы исторического прошлого в китайско-японских отношениях, а также использование памяти о них в политических целях привлекают внимание многих исследователей. Для удобства восприятия можно разделить

⁹ Кистанов В.О. Тайвань и безопасность Японии: анатомия японских подходов к Тайваньскому вопросу // Проблемы Дальнего Востока. № 6. 2022. С. 29.

¹⁰ Кульнева П.В. 50-летие нормализации японо-китайских отношений: итоги и проблемы // Ежегодник Японии. 2022. Т. 51. С. 31.

¹¹ Там же. С. 37–38.

работы на несколько групп. Историографические источники, используемые в данном диссертационном исследовании, представлены на русском, английском и китайском языках.

1. Научные труды, касающиеся китайско-японских отношений в целом, и китайско-японских противоречий в частности. К классическим исследованиям китайско-японских отношений, в том числе и в контексте проблем исторического прошлого, следует отнести труды таких ученых, как Г.В. Ефимов¹², Н.Н. Нозиков¹³, Б.Г. Сапожников¹⁴, М.Л. Сладковский¹⁵, С.Л. Тихвинский¹⁶ и др. Ценность данных работ для нашей диссертации заключается, прежде всего, в подробном исследовании предыстории и хода китайско-японских войн, в особенности китайско-японской войны (1931–1945 гг.). Последняя оказала и продолжает оказывать ключевое влияние на китайско-японские отношения и формирование исторической политики в Китае. В целом, такие классики советского китаеведения, как М.Л. Сладковский, С.Л. Тихвинский и др. отмечают сильное «отягощение» китайско-японских отношений проблемами исторического прошлого. Эти проблемы не теряли остроты и в течение исследуемого периода.

Среди современных российских исследователей данной области следует выделить Б. Видмаровича¹⁷, А.Д. Дикарева¹⁸, Л.В. Забровскую¹⁹, А.А. Кирееву²⁰, С.Г. Лузянина²¹, А.В. Лукина²², В.П. Толстого²³, И.В. Турицына²⁴, и др. Предметом исследования в работах вышеприведенных ученых выступают китайско-японские противоречия, в том числе и исторические. В этой связи отметим статью А.А. Киреевой «Проблема разграничения акватории и освоения энергетических ресурсов Восточно-Китайского моря между Китаем

¹² Ефимов Г.В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. Москва: Госполитиздат, 1951. – 584 с.

¹³ Нозиков Н.Н. Японо-китайская война 1894–1895 гг. Москва: Государственное военное издательство, 1939. – 104 с.

¹⁴ Сапожников Б.Г. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1941). Москва: Наука, 1970. – 226 с.

¹⁵ Сладковский М.Л. Китай и Япония. Москва: Наука, 1971. – 336 с.

¹⁶ Тихвинский С.Л. История Китая и современность. Москва: Наука, 1976. – 360 с.

¹⁷ Видмарович Б. Политико-исторические проблемы и противоречия в китайско-японских отношениях с 2001 по 2009 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15: утв. 01.12.11. М., 2011. 222 с.

¹⁸ Дикарев А.Д. Китай – Япония: территориальный конфликт или региональная кооперация? // Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. №5. С. 162–171.

¹⁹ Забровская Л.В. Особенности китайско-японских отношений: прагматизм Китая и лавирование Японии // Проблемы национальной стратегии. 2013. №3. С. 67–83.

²⁰ Киреева А.А. Проблема разграничения акватории и освоения энергетических ресурсов Восточно-Китайского моря между Китаем и Японией // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013. №2. С. 231–242.

²¹ Лузянин С.Г. Китай-Япония: логика отношений [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/240246/> (дата обращения: 05.09.2021).

²² Дикарев А.Д., Лукин А.В. Подход КНР к территориальным спорам в Южно-китайском море и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. 2021. №2. С. 5–15.

²³ Толстой В.П. История китайско-японских отношений в конце XIX — второй половине XX вв. как препятствие двустороннему политическому диалогу [Электронный ресурс]. URL: <http://evolutio.info/ru/journal-menu/2007-3/2007-3-tolstoj> (дата обращения: 05.09.2021).

²⁴ Турицын И.В., Рау И. Особенности современных отношений КНР и Японии в контексте краткой ретроспективы китайско-японского взаимодействия // Современная научная мысль. 2019. №4. С. 111–140.

и Японией». В ней рассматривается территориальный конфликт вокруг островов Дяоюйдао с точки зрения разграничения акватории. Автор внесла существенный вклад в понимание проблематики китайско-японского территориального спора в ВКМ. Вместе с тем исследование связи исторической политики и территориального спора в ВКМ не является целью данной работы. Этот аспект представляется крайне важным, учитывая тот факт, что территориальный спор в ВКМ является одним из ключевых направлений исторической политики КНР. В данной диссертации предпринята попытка восполнить данный пробел.

Важно выделить диссертацию Б. Видмаровича «Политико-исторические проблемы и противоречия в китайско-японских отношениях с 2001 по 2009 гг.». Важную часть данного исследования составляет анализ китайско-японских отношений в контексте исторических проблем: ревизии истории со стороны Японии, территориальных споров между КНР и Японией, Тайваньской проблемы в китайско-японских отношениях, а также проблемы «китайской угрозы». Автор заключает, что КНР выгодно поддерживать на международной арене образ Японии как нераскаявшегося государства. Это одна из ключевых целей исторической политики, которая не теряет актуальности и в течение исследуемого в данной диссертации периода. Однако с приходом 5-го поколения руководителей КНР историческая политика трансформировалась, что обуславливает актуальность изучения ее современной конфигурации.

Среди зарубежных (в том числе китайских) исследователей особенно выделяются Дж. Бойл²⁵, К. Дэнт²⁶, Р. Хоппенс²⁷, Н. Катагири²⁸, К. Клементс²⁹, М. Сёдерберг³⁰, К. Роуз³¹,

²⁵ Boyle G.H. *China and Japan at War, 1937–1945: The Politics of Collaboration*. Redwood City: Stanford University Press, 1972. 452 p.

²⁶ Dent C.M. *China, Japan and Regional Leadership in East Asia*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2008. 328 p.

²⁷ Hoppens R. *The China Problem in Postwar Japan*. New York: Bloomsbury, 2015. 313 p.

²⁸ Katagiri N. *Evolution of Sino-Japanese Relations: Implications for Northeast Asia and Beyond* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-ir.info/2019/04/10/evolution-of-sino-japanese-relations-implications-for-northeast-asia-and-beyond/> (дата обращения: 27.01.2021).

²⁹ Clements K.P. *Identity, Trust and Reconciliation in East Asia*. London: Palgrave Macmillan, 2018. 302 p.

³⁰ Söderberg M. *Chinese-Japanese Relations in the Twenty-first Century*. London: Routledge, 2003. 220 p.

³¹ Rose C. *Interpreting History in Sino-Japanese Relations*. London: Routledge, 2005. 277 p.

Дж. Фогель³², С. Шэн³³, Э. Сноу³⁴, Дж. Уайсс³⁵, П. Ханна³⁶, Лю Цзяньпин³⁷, Сунь Пинхуа³⁸, Цай Лян³⁹ и др. Несмотря на то, что в исследованиях данных авторов затрагивается множество аспектов китайско-японских отношений, они открывают широкую перспективу на истоки, предпосылки и культурно-исторический контекст китайско-японских противоречий, в том числе и на почве истории. Поэтому представленные выше труды имеют фундаментальное значение для данной диссертации. Отметим диссертационное исследование Дж. Вайс «Могущественные патриоты: Национализм, дипломатия и стратегическая логика антииностранных протестов», в котором представлен анализ в том числе и антияпонских протестов.

Кроме того, внимания заслуживает работа П. Ханна «Гениальность китайской великой стратегии: не «владеть» землей, а «использовать» ее. В ней отражен подход китайской элиты (5-го поколения руководителей) к территориальным спорам, который заключается в том, что фактическое «использование» земли и ресурсов имеет больший приоритет, чем официальное «владение» территорией. П. Ханна подразумевает территориальные споры Китая в Южно-Китайском море, однако это же, хотя и в меньшей степени, можно сказать и о ситуации в Восточно-Китайском море. Однако активные действия КНР требуют идеологического обоснования. В этом случае руководство Китая прибегает к историческим аргументам (исторической политике) в пользу принадлежности островов КНР.

2. Работы, в которых исследуются особенности реализации исторической политики, в частности в Китае. Изучению феномена исторической памяти, а также исторической политики посвятили свои работы такие российские исследователи как Д.В.

32 Fogel J. *Articulating the Sinosphere*. Cambridge: Harvard University Press, 2009. 217 p.

33 Shen S., Cheung M. *Reshaping nationalism: Chinese intellectual response towards Sino-American and Sino-Japanese relations in the twenty-first century*// *The Pacific review*. 2007. Vol. 20(4). pp. 475-497.

³⁴ Snow E. *The Battle for Asia*. New York: Random House, 1941. 431 p.

35 Weiss J.C. *Powerful Patriots: Nationalism, Diplomacy, and the Strategic Logic of Anti-Foreign Protest*. Ph. D. thesis. San Diego, 2008, 208 p.

36 Khanna P. *The Brilliance of China's Grand Strategy: Don't 'Own' Land, Just 'Use' It* [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/the-brilliance-chinas-grand-strategy-dont-own-land-just-use-15741> (дата обращения: 01.02.2022).

37 刘建平. 战后中日关系“不正常”历史的过程与结构 (Лю Ц. «Ненормальные» исторический процесс и структура послевоенных китайско-японских отношений). 北京: 社会科学文献出版社, 2010. 285 页.

38 孙平化. 中日友好随想录 (Сунь П. Размышления о китайско-японских дружественных отношениях). 沈阳: 辽宁人民出版社, 2009. 449 页.

39 蔡亮. “中日矛盾中的“聚旗效应”: 日本介入台湾问题的特征及影响” (Цай Л. «Эффект сплочения» в конфликте между Китаем и Японией: характеристики и влияние вмешательства Японии в тайваньский вопрос) // *东北亚学刊*. 2022 年. 第 6 期. 82-95 页.

Ефременко⁴⁰, Л.Н. Мазур⁴¹, О.Ю. Малинова⁴², А.И. Миллер⁴³ и др. Среди зарубежных исследователей следует выделить М. Хальбвакс⁴⁴, А. Ассман⁴⁵, Я. Ассман⁴⁶ и др. Данные работы послужили основой для формирования рамок исследовательского определения понятия «историческая политика», приведенного выше. В целом, основоположником исследований памяти (memory studies) является М. Хальбвакс. Работы автора, в основном, посвящены феномену коллективной памяти, т.е. функционированию памяти на коллективном уровне. К фундаментальным работам российской историографии, центральной темой исследований которых является историческая политика, принадлежит сборник научных трудов «Методологические вопросы изучения политики памяти» под редакцией А.И. Миллера и Д.В. Ефременко⁴⁷. В сборнике содержатся важные для нашего исследования материалы, а именно: статьи, в которых анализируются методологические проблемы изучения политики памяти; исследуется взаимовлияние политики памяти и культурной идентичности, а также раскрывается основная проблематика такого направления, как memory studies. В данном контексте также важно упомянуть коллективную монографию «Политика памяти в современной России и в странах восточной Европы» под редакцией вышеупомянутых авторов. В работе анализируется «использование» темы Второй мировой войны в политике памяти разных стран постсоветского пространства. Особое внимание уделяется взаимодействию мнемонических акторов и их нарративным стратегиям⁴⁸. Также отметим эссе В.В. Малявина «Память войны и войны памяти», в котором на примере памяти русских о Великой отечественной войне разграничивается онтология и психология памяти⁴⁹. Понимание данного разделения служит необходимым условием для исследований в области исторической политики.

Что касается работ по исторической политике КНР и исследований исторической памяти в КНР, следует выделить работы таких российских ученых как О.Н. Борох и А.В.

40 Миллер А.И., Ефременко Д.В. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб: Изд-во Европейского университета, 2020. – 632 с.

41 Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. 2013. №3. С. 243–256.

42 Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как элемент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политэкс. 2012. №4. С. 179–204.

43 Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et contra. 2018. №3. С. 6–24.

44 Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Москва: Новое издательство, 2007. – 343 с.

45 Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 324 с.

46 Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: Изд-во Языки Славянской Культуры, 2004. – 363 с.

47 Миллер А.И., Ефременко Д.В. Методологические вопросы изучения политики памяти. СПб: Нестор-история, 2018. – 224 с.

48 Миллер А.И., Ефременко Д.В. Политика памяти в современной России ... 632 с.

49 Малявин В.В. Средоточия. Иваново: Роща академии, 2011. – 489 с.

Ломанов⁵⁰, Ш. Кутулуков⁵¹, Я.В. Лексютина⁵², А.В. Михалев⁵³, К.Г. Муратшина⁵⁴, Е.Н. Румянцев⁵⁵, Б.О. Хубриков⁵⁶, а также труды следующих зарубежных исследователей: К. Дэнтон⁵⁷, Дж. Гордон⁵⁸, М. Маттен⁵⁹, М. Майер⁶⁰, О. Шэлл⁶¹, Лу Супин⁶², Ван Лихэ⁶³, Э. Ван⁶⁴, Ян Дацин⁶⁵, Ван Чжэн⁶⁶, Лю Яньцзюнь⁶⁷ и др.

Среди вышеуказанных работ следует выделить главу об исторической политике КНР в книге «Память о Второй мировой войне за пределами Европы», написанную Я.В. Лексютиной. Это одна из немногочисленных в российской историографии попыток комплексно осмыслить трансформацию исторического нарратива КНР с 1949 года по настоящее время (2022 г.). К достоинствам работы относятся подробный анализ терминов наименования «Второй мировой войны» в Китае. Автор исследует особенности употребления терминов «Мировая антифашистская война», «Война сопротивления китайского народа японским захватчикам», «антияпонская война» и «четырнадцатилетняя война сопротивления». Однако при описании исторического нарратива КНР Я.В. Лексютина не заостряет внимания на исторической политике времен Ху Цзиньтао. Как

⁵⁰ Ломанов А.В., Борох О.Н. Китай: возвращение Небесного повеления // Pro et Contra. 2009. Т. 13. №3–4. С. 65–88.

⁵¹ Кутулуков Ш. Политика памяти в социалистическом Китае. Рига: OmniScriptum Publishing KS, 2013. – 2016 с.

⁵² Память о Второй мировой войне за пределами Европы / науч. ред. А.И. Миллер, А.В. Соловьев. Изд. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 264 с.

⁵³ Михалев А.В. Русские места памяти в современном Харбине: имперские смыслы и советские символы // Oriental Studies. 2023. Vol. 16. С. 153–162.

⁵⁴ Муратшина К.Г. Россия – КНР: китайский взгляд на историю Второй мировой, Великой Отечественной и антияпонской войн на современном этапе // Известия Уральского Федерального Университета. Серия 3. Общественные науки. 2015. Т. 10. №1. С. 112–127.

⁵⁵ Румянцев Е. Другой угол зрения. Как в КНР теперь видят Вторую мировую войну [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/drugoj-ugol-zreniya/> (дата обращения: 30.09.2024).

⁵⁶ Хубриков Б.О. Политика памяти в эпоху Си Цзиньпина // Новое прошлое. 2020. №1. С. 66–83.

⁵⁷ Denton K.A. Exhibiting the Past: Historical Memory and the Politics of Museums in Postsocialist China. Honolulu: University of Hawaii Press, 2014. 360 p.

⁵⁸ Gordon J. The Nanking Massacre: Analysis of Japanese and Chinese Interpretation and Remembrance of Nanking 1940s-The Present [Электронный ресурс]. URL: <https://minds.wisconsin.edu/handle/1793/69487> (дата обращения: 05.09.2021).

⁵⁹ Matten M.A. Places of Memory in Modern China: History, Politics and Identity. Leiden: Brill, 2012. 285 p.

⁶⁰ Mayer M., Pawlik K. Politics of Memory, Heritage, and Diversity in Modern China // Journal of Current Chinese Affairs. 2023. Vol. 52. Is. 2. pp. 139–152.

⁶¹ Schell O. China's Cover-Up. When Communists Rewrite History [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/china/chinas-cover> (дата обращения: 05.09.2024).

⁶² Lu S. The Nanjing Massacre: Primary Source Records and Secondary Interpretations – A Textual Critique of Bob Tadashi Wakabayashi's Review // China Review International. 2013. №3-4. pp. 259–282.

⁶³ Wang L. 'The century of humiliation' and the politics of memory in China // Leviathan. 2020. № 1. pp. 38–42.

⁶⁴ Wang Q.E. The Study of "Comfort women": Revealing a Hidden Past—introduction [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00094633.2019.1691414> (дата обращения: 05.09.2021).

⁶⁵ Yang D. Convergence or divergence? Recent historical writings on the rape of Nanjing // American Historical Review. 1999. Vol. 104. №3. pp. 842–865.

⁶⁶ Wang Z. Never Forget National Humiliation: Historical Memory in Chinese Politics and Foreign Relations. New York: Columbia University Press, 2012. 312 p.

⁶⁷ 刘燕军. 南京大屠杀的历史记忆 (Лю Я. Историческая память о Нанкинской резне) // 抗日战争研究. 2009年. 第4期. 5–22页.

будет показано в данной диссертации, последний оказал важное влияние на исторический нарратив, выстраиваемый при Си Цзиньпине. Это особенно важно в контексте изучения особенностей трансформации исторического нарратива КНР – смещения акцентов с образа жертвы на образ победителя.

Отметим также работу К.Г. Муратшиной «Россия – КНР: китайский взгляд на историю Второй мировой, Великой Отечественной и антияпонской войн на современном этапе». Исследователь акцентирует внимание на описании в историческом нарративе КНР роли СССР в победе в антияпонской войне и приходит к выводу, что оценка роли Советского Союза в войне, транслируемая Россией, отличается от интерпретации событий войны, транслируемой внутренней и западной аудиториям. Последняя характеризуется затушевыванием вклада СССР в победу Китая. Это важное свидетельство вариативности нарратива КНР в зависимости от целей китайского руководства. На преуменьшение китайской пропагандой роли СССР и гиперболизацию собственного вклада в победу указывает и Е.Н. Румянцев, подчеркивая стремление 5-го поколения руководителей привести представления китайской и мировой аудитории о роли Китая во Второй мировой войне в соответствие с нынешним весом КНР в мировой экономике и политике.

Исторической политике КНР в период руководства Си Цзиньпина посвящена работа Б.О. Хубрикова. Основной идеей данной работы является инициированное КПК переключение «режима памяти» о Второй мировой войне с «памяти жертвы» на «память победителей». Однако вопрос трансформации нарратива не рассмотрен в ней в полном объеме. Тенденция изменения нарратива возникла не при Си Цзиньпине, а еще в конце 1980-х гг., что подтверждается в обстоятельной работе П. Кобла⁶⁸⁶⁹. Однако последний также не учитывает, что на практике смещение акцентов произошло при Ху Цзиньтао. Без учета этого фактора невозможно с точностью определить особенности реализации исторической политики КНР в отношении Японии при пятом поколении руководителей, т.к. почва для исторической политики времен Си Цзиньпина была подготовлена при предыдущем руководителе КНР.

Помимо этого, Б.О. Хубриков указывает на роль политики Си Цзиньпина в формировании консолидирующих нацию мифов. Основным является миф о 3 сентября, знаменующий переход к памяти победителей. Прежний нарратив «столетия унижения», культивирующий образ жертвы, ученый считает анахронизмом⁷⁰. Однако данный тезис также

68 Coble P.M. China's «new remembering» of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945 // The China Quarterly. 2007. № 190. P. 398.

69 Казанцев А. Е. [Антияпонская война и историческая политика КНР](#) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 164.

70 Хубриков Б.О. Политика памяти в эпоху Си Цзиньпина. С. 79.

требует уточнения. Важно, что консолидации может служить как образ жертвы, так и образ героя. Они не исключают, а дополняют друг друга, и в равной степени вписываются в концепцию «Великого возрождения китайской нации». Актуальность образа жертвы в современной китайской политике подчеркивает Ван Лихэ⁷¹⁷². Интересно, что взаимосвязь образа жертвы и образа победителя в исторической политике КНР подробно исследовал вышеупомянутый Ван Чжэн. В своей работе «Никогда не забывайте национальное унижение: историческая память в китайской политике и международных отношениях» он описывает переход от образа жертвы к образу победителя в контексте кампании «патриотического воспитания», инициированной КПК после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Отметим, что в 8 главе Ван Чжэн также касается влияния исторической памяти на китайско-японские отношения. Однако ни в книге Ван Чжэна, ни в статье Б. Хубрикова не заостряется внимания на внешнеполитическом измерении исторической политики КНР. В данной диссертации восполняется этот пробел – производится исследование исторической политики как инструмента КНР в контексте территориального спора в ВКМ и дискредитации Японии на международной арене.

Следует отдельно отметить работы К. Дентона «Экспонирование прошлого: историческая память и политика музеев в постсоциалистическом Китае» и М. Маттена «Места памяти в современном Китае: история, политика и идентичность», посвященные «местам памяти» в КНР. Первая примечательна подробным анализом содержания государственных музеев КНР, в том числе посвященных памяти об антияпонской войне. Это еще одна иллюстрация трансформации исторического нарратива КНР – смещения акцентов от «жертвы» к «победителю». Во второй автор убедительно показывает, как руководство КНР использует «места памяти» для укрепления собственной легитимности и создания единой китайской нации.

Вместе с тем существует большое количество работ, посвященных отдельным аспектам антияпонской войны. Например, представленные выше статьи Дж. Гордона, Ян Дацина, Лу Супина, а также работы Г. Самарани⁷³, А. Чан⁷⁴ и Хуан Юньлуна⁷⁵ и др. посвящены анализу Нанкинской резни и ее интерпретации в Китае (и Японии). Вопросу

71 Wang L. 'The century of humiliation' and the politics of memory in China // *Leviathan*. 2020. № 1. pp. 38–42.

72 Казанцев А. Е. [Антияпонская война и историческая политика КНР](#) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 164.

73 Samarani G. Nanjing Massacre in Some Japanese History Textbooks // *Revue Bibliographique de Sinologie*. 2001. pp. 3–6.

74 Chang I. *The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of World War II*. London: Penguin Books, 1998. 360 p.

75 黄云龙: “中国历史教科书中的“南京大屠杀”” (Хуан Юньлун. «Нанкинская резня» в китайских учебниках по истории) [Электронный ресурс]. URL: https://www.pep.com.cn/kcs/zjxz/ls/hyl/lw/201901/t20190128_1935704.html (дата обращения: 07.12.2021).

«женщин для утешения» посвящены научные труды Э. Вана, Дж. Хикса⁷⁶, К. Норма⁷⁷, Й. Нозаки⁷⁸ и др. Работы В.В. Кожевникова⁷⁹, Э.В. Молодяковой⁸⁰, Ю.В. Чудодеева⁸¹, М. Маллинса⁸² и С. Смита⁸³ и т.д. посвящены проблеме Ясукуни. Вместе с тем данные вопросы целостно не рассматриваются авторами в контексте исторической политики КНР. Это крайне важно, т.к. руководство КНР обращается к ним в том числе и с целью давления на Японию.

3. Работы, посвященные влиянию исторической политики на китайско-японские отношения. Исследованиями в данной области занимаются А.А. Батакова⁸⁴, П.В. Кульнева⁸⁵, Я.В. Лексютина⁸⁶, В.В. Нелидов⁸⁷, В.А. Перминова⁸⁸, К.А. Санин⁸⁹, Д.В. Стрельцов⁹⁰ и др. Одной из важных работ по этой теме в российской историографии является статья В.А. Перминовой «Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века». Несомненным достоинством работы является подробный анализ исторической политики в послевоенном Китае. Во внешнеполитических реалиях того времени главными соперниками КНР были США и СССР (с конца 1960-х), а не Япония⁹¹. Этот фактор был одним определяющих в вопросе замалчивания послевоенных преступлений в маоистском Китае. Важно, что комплексной работой по этому периоду в зарубежной историографии является книга «Наследие Второй

⁷⁶ Hicks G. *The Comfort Women: Sex Slaves of the Japanese Imperial Forces*. Crows Nest: Allen & Unwin, 1995. 305 p.

⁷⁷ Norma C. *The Japanese Comfort Women and Sexual Slavery during the China and Pacific Wars*. London: Bloomsbury Academic, 2017. 264 p.

⁷⁸ Nozaki Y. *The “Comfort Women” Controversy: History and Testimony* [Электронный ресурс]. URL: <https://apjjf.org/yoshiko-nozaki/2063/article> (дата обращения: 21.08.2023).

⁷⁹ Кожевников В.В. Синто и национализм в Японии (проблема храма Ясукуни) // *Россия и АТР*. 2014. №4. С. 166–179.

⁸⁰ Молодякова Э.В. Многоаспектность проблемы святилища Ясукуни // *Ежегодник Японии*. 2007. №4. С. 48–68.

⁸¹ Чудодеев Ю.В. Поминовение усопших в Токийском храме Ясукуни // *Общество и государство в Китае*. 2014. №1. С. 246–250.

⁸² Mullins M.R. *Yasukuni Fundamentalism: Japanese Religions and the Politics of Restoration*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2021. 271 p.

⁸³ Smith S.A. *Intimate Rivals: Japanese Domestic Politics and a Rising China*. New York: Columbia University Press, 2015. 384 p.

⁸⁴ Батакова А.А. Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с государствами Восточной Азии (конец XX – начало XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15: утв. 12.09.2017. М, 2017. 260 с.

⁸⁵ Кульнева П.В. Японская агрессия в Китае и чувство вины // *Японские исследования*. 2020. № 4. С. 21–39.

⁸⁶ Китай и Вторая мировая война / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 193–226.

⁸⁷ Нелидов В. Политическое наследие Синдзо Абэ [Электронный ресурс]. URL:

<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politicheskoe-nasledie-sindzo-abe/> (дата обращения: 10.04.2024).

⁸⁸ Перминова В.А. Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века // *Вестник НГУ*. 2021. №4. С. 80–90.

⁸⁹ Санин К.А. Проблемы исторического прошлого в отношениях КНР с государствами Восточной Азии // *Сравнительная политика*. 2015. Т. 6. №3(20). С. 48–59.

⁹⁰ Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседами: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // *Японские исследования*. 2020. №4. С. 78–97.

⁹¹ Перминова В.А. Память о войне ... С. 83.

мировой войны в Восточной Азии. Китай помнит войну» китайского автора Я. Чана. При этом верхним хронологическим рубежом данных работ является начало 1980-х годов. Впоследствии историческая политика КНР претерпела значимую трансформацию, обусловленную, в том числе, состоянием китайско-японских отношений в более поздний период.

Я.В. Лексютина в 7 главе «Китайско-японские противоречия относительно трактовки японской агрессии против Китая в 1937–1945 гг.» книги «Китай и Вторая мировая война» подробно анализирует различия в интерпретации событий китайско-японской войны «1931–1945 гг.» китайской и японской сторонами, а также исследует влияние исторических проблем, таких как проблема Ясукуни, проблема японских репараций, проблема японских извинений и др., на китайско-японские отношения.

Историческая политика КНР в отношении Японии на современном этапе освещается в статье В.А. Перминовой «Память о войне в Китае и ее влияние на современные японо-китайские отношения»⁹². Автор скрупулёзно анализирует трансформацию позиции руководства КНР по поводу вопросов китайско-японского исторического прошлого и приходит к выводу, что с 2014 года происходит обновление подхода Китая к вопросам исторического прошлого и «разморозка» в китайско-японских отношениях. Данное мнение имеет под собой основание, однако ввиду того, что В.А. Перминова не ставила перед собой цели анализа трансформации исторического нарратива КНР в комплексе, в ее работе не оговаривается инструментализация связанной с антияпонской войной проблематики при пятом поколении руководителей. С этой точки зрения оттепель в китайско-японских отношениях в 2014 году не привела к смягчению риторики Пекина и существенному изменению позиций по принципиальным для КНР и Японии вопросам. Это особенно заметно на примере исторической политики Китая в отношении Японии по проблеме принадлежности островов в ВКМ. Новизна настоящей диссертации обусловлена необходимостью исследования описанной выше стороны вопроса.

А.А. Батакова, П.В. Кульнева, В.В. Нелидов, Д.В. Стрельцов занимаются исследованиями в области исторической политики Японии в контексте японо-китайских отношений. Вместе с тем их научные интересы включают в себя вопросы, анализируемые в данной диссертации. Например, П.В. Кульнева в статье «Японская агрессия в Китае и чувство вины» поднимает вопрос недостаточности, с точки зрения китайского руководства, японских извинений за агрессию военных времен и производит анализ терминологии,

⁹² Перминова В.А. Память о войне в Китае и ее влияние на современные японо-китайские отношения // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. №12. [Электронный ресурс]. URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840010292-0-1> (дата обращения: 31.01.2024).

используемой в японских извинениях и китайских призывах раскаяться. Эта тема получила развитие в работе автора «Лингвистические и социокультурные аспекты непонимания между японской и китайской сторонами по вопросам исторического прошлого (на примере извинений государственных лидеров Японии за агрессию в Китае)⁹³».

Д.В. Стрельцов в своей работе «Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии» отмечает, что Китай активно использует «историческую карту» (историческую политику): критикует Японию за исторический ревизионизм с целью дискредитации последней на мировой арене как страны, которая недостойна мирового лидерства по причине недостаточного раскаяния за военные преступления Японской империи⁹⁴.

Представленные выше работы крайне важны с точки зрения анализа механизмов формирования исторической политики в Восточной Азии, однако особенности исторического нарратива, формируемого руководством КНР, не рассматриваются в них комплексно. Вкладом данной диссертации в предметную область будет целостное рассмотрение особенностей исторической политики Китая в отношении Японии.

В зарубежной историографии выделяются такие исследователи как Б. Бузан и И. Го⁹⁵, П. Кобл⁹⁶, К. Густафссон⁹⁷, Хэ Инань⁹⁸, Дж. Райли⁹⁹, Р. Миттер¹⁰⁰, А. Мур¹⁰¹, Чань Ян¹⁰², Цзянь Чжан¹⁰³, Цю Цзинь¹⁰⁴ и др.

Особенно отметим работу одного из главных специалистов в области исследований влияния исторического прошлого на китайско-японские отношения Хэ Инань, в которой

⁹³ Кульнева П.В. Лингвистические и социокультурные аспекты непонимания между японской и китайской сторонами по вопросам исторического прошлого (на примере извинений государственных лидеров Японии за агрессию в Китае) // Международные отношения и общество. 2021. Т.3. № 1. С. 16–27.

⁹⁴ Стрельцов Д.В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии // Ежегодник Японии. 2014. С. 26.

⁹⁵ Buzan B., Goh E. Rethinking Sino-Japanese Alienation: History Problems and Historical Opportunities. Oxford: Oxford University Press, 2020. 356 p.

⁹⁶ Coble P.M. China's «new remembering» ... pp. 394–440.

⁹⁷ Gustafsson K. Understanding the Persistence of History-related Issues in Sino-Japanese Relations: from Memory to Forgetting // International Politics. 2020. №57. pp. 1047–1062.

⁹⁸ He Y. Remembering and Forgetting the War: Elite Mythmaking, Mass Reaction, and Sino-Japanese Relations, 1950–2006 // History & Memory. 2007. №2. pp. 43–74.

⁹⁹ Reilly J. Remember History, Not Hatred: Collective Remembrance of China's War of Resistance to Japan // Modern Asian Studies. 2011. Vol. 45. № 2. pp. 463–490.

¹⁰⁰ Mitter R. China's Good War: How World War II Is Shaping a New Nationalism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2020. 336 p.

¹⁰¹ Mitter R., Moore A. China in World War II, 1937–1945: Experience, Memory, and Legacy // Modern Asian Studies. 2011. Vol. 45. № 2. pp. 225–240.

¹⁰² Chan Y. World War Two legacies in East Asia. China remembers the war. London, New York: Routledge, 2018. 238 p.

¹⁰³ Jian Z. The influence of Chinese nationalism on Sino-Japanese relations // China-Japan relations in the twenty-first century: creating a future past? / Ed. Michael Heazle, Nick Knight. Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA): Edward Elgar Publishing, 2007. pp. 15–34.

¹⁰⁴ Qiu J. The politics of history and historical memory in China-Japan relations // Journal of Chinese Political Studies. 2006. Vol. 11. pp. 25–53.

раскрывается тенденциозность интерпретации исторических событий в КНР. В Китае, утверждает Хэ, интерпретации истории основываются не на научных фактах, а находятся в зависимости от идеологической линии партии и от изменчивых интересов китайских элит¹⁰⁵¹⁰⁶. Изменчивость интересов элит в КНР, в частности, раскрывается в работе Дж. Райли «Помнить историю, а не ненависть: коллективная память об антияпонской войне». Автор вскользь затрагивает необходимость изменения исторического нарратива КНР при Ху Цзиньтао, ввиду дестабилизации внутривнутриполитической ситуации. Однако автор не рассматривает причины этого изменения в комплексе. Их понимание даст возможность определить предпосылки трансформации исторической политики в течение исследуемого периода.

При всех достоинствах вышеописанных работ российских и зарубежных ученых внутреннее и внешнее измерения исторической политики КНР в отношении Японии комплексно в них не рассматриваются. Этому есть причины: историческая политика, как будет показано в данной работе, претерпела трансформацию в период пребывания у власти пятого поколения руководителей. Во множестве вышеуказанных работ данный период не рассматривается. Однако даже в трудах, касающихся исторической политики КНР при Си Цзиньпине, ученых больше привлекает исследование данного инструмента для решения внутривнутриполитических задач, нежели внешнеполитическое измерение исторической политики КНР в отношении Японии, т.е. проблема принадлежности Дяоюйдао, связанные с Тайванем вопросы, способы дискредитации Японии на международной арене и др. Этому касался упомянутый выше К.А. Санин. Однако он не ставил целью комплексный анализ исторической политики КНР в отношении Японии. К тому же автор уделил больше внимания СССР, нежели последней.

Особый интерес представляют статья Чжао Суйшэна «Возвращение к внешнеполитическим последствиям китайского национализма: резкий поворот»¹⁰⁷, а также книга А. Косты «Китайско-японский конфликт вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао: полезное соперничество»¹⁰⁸. В обеих работах исследуется влияние исторической политики КНР на внешнюю политику Китая, в частности на китайско-японские отношения. Важно, что из подробно анализируемых в данной диссертации вопросов в поле зрения авторов попадает лишь проблема спорных островов в Восточно-Китайском море. Автор вскользь касается реакции КНР на действия Японии в ВКМ, в частности после национализации

105 He Y. Remembering and ... P. 67.

106 Казанцев А. Е. [Антияпонская война и историческая политика КНР](#) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 164.

107 Zhao S. Foreign Policy Implications of Chinese Nationalism Revisited: the strident turn // Journal of Contemporary China. 2013. Vol. 22. pp 535–553.

108 Costa A. The China-Japan Conflict over the Senkaku/Diaoyu Islands. London: Routledge, 2017. 214 p.

островов Дяоюйдао, в контексте проблем исторического прошлого. Однако Чжао Суйшэн не рассматривает непосредственно исторический нарратив КНР, т.е. не показывает как именно руководство КНР использует историческую политику в отношении Японии, а анализирует лишь действия Китая в контексте возникших противоречий.

В работе А. Косты проблема вокруг островов Дяоюйдао исследована подробнее. Автор скрупулезно рассматривает предпосылки, историю и современное состояние (до 2017 г.) вопроса, вследствие чего приходит к выводу, что Китаю и Японии выгодно поддерживать конфликт, в том числе с точки зрения формирования национальной идентичности и создания образа внешнего врага. При этом анализ причин инструментализации исторической проблематики и особенностей реализации исторической политики Китаем по этому вопросу также не является предметом данного исследования. Вместе с тем оно ограничено лишь территориальным спором в ВКМ, и последний не рассматривается в связи с другими не менее важными историческими вопросами, такими как проблема Ясукуни, проблема японских извинений и т.д. Это представляется большим упущением, так как подобная перспектива не позволяет в полноте проанализировать историческую политику КНР.

В данном контексте также следует выделить работу упомянутых выше Дж. Пуглис и А. Инсисы «Китайско-японская политика власти. Сила, деньги и умы»¹⁰⁹, а также труд М. Диана «Оспариваемые воспоминания во внешней политике Китая и Японии»¹¹⁰. Они примечательны обстоятельным анализом влияния проблем исторического прошлого на внешнюю политику исследуемых стран. Вместе с тем авторы первой работы не ограничиваются собственно исторической проблематикой и из интересующих нас вопросов подробно останавливаются только на проблеме Сэнкаку/Дяоюйдао. М. Диан, в свою очередь, анализирует влияние проблем исторического прошлого на внешнюю политику Китая (и Японии) в целом и подробно не исследует историческую политику КНР в отношении Японии. К тому же автор не ставит целью произвести подробный анализ особенностей влияния исторической политики на внутреннюю политику КНР. Это тоже представляется упущением, т.к. внутреннее и внешнее измерение (использование антияпонской проблематики для достижения внутривнутриполитических и внешнеполитических целей) исторической политики КНР тесно связаны.

Таким образом, ограниченное количество комплексных исследований исторической политики КНР в отношении Японии обуславливает научную новизну нашей диссертации.

¹⁰⁹ Pugliese G., Insisa A. Sino-Japanese Power Politics. Might, Money and Minds. London: Palgrave Macmillan, 2017. 146 p.

¹¹⁰ Dian M. Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy. Amsterdam: Elsevier Science & Technology, 2017. 304 p.

Объектом исследования является историческая политика КНР.

Предметом исследования выступают особенности и ключевые задачи исторической политики КНР в отношении Японии в 2013–2022 гг.

Формулировка основного исследовательского вопроса: каким образом и с какой целью историческая политика КНР использовалась в отношении Японии с 2013 по 2022 гг.?

Цель исследования – определить особенности и цели исторической политики КНР в отношении Японии в 2013–2022 гг.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1. Охарактеризовать основные исторические события «столетия унижения», оказывавшие влияние на историческую политику КНР в отношении Японии в течение исследуемого периода;
2. Определить основные этапы эволюции исторической политики КНР в отношении Японии до начала исследуемого периода (до 2012 года);
3. Выявить характерные для исследуемого периода особенности трактовки китайскими историками китайско-японской войны (1931–1945 гг.);
4. Выявить особенности и мотивы формирования исторического нарратива КНР в отношении Японии в контексте китайско-японских противоречий по поводу трактовки событий китайско-японской войны (1931–1945 гг.) в течение исследуемого периода;
5. Определить особенности и цели исторической политики КНР в отношении Японии по проблеме спорных островов Сэнкаку/Дяюйдао в течение исследуемого периода;
6. Выявить особенности трактовки китайскими историками периода колониального правления Японии на Тайване, а также специфику и цели исторической политики КНР в отношении Японии в контексте Тайваньского вопроса в течение исследуемого периода.

Методология и понятийный аппарат. Методология данного исследования базируется на принципах историзма, системности и научной объективности. Принцип историзма дал возможность проследить эволюцию исторической политики КНР и выявить ее особенности, характерные для исследуемого периода. Принцип системности позволил

выявить связь между отдельными элементами исторического нарратива КНР и выделить особенности, характерные для исторической политики КНР в целом.

Ключевое понятие данного исследования – «историческая политика». Оно представляется наиболее подходящим для исследований Китая, т.к. оно подразумевает директивно осуществляемую инструментализацию прошлого ¹¹¹ для достижения конкретных целей правящей элиты – Коммунистической партии Китая, имеющей всю полноту власти.

Само понятие «историческая политика» разрабатывалось в трудах К. Леггеви и К. Майера, А. Ассман, В.А. Ачкасова, А. И. Миллера и др. У исследователей схожий взгляд на его концептуальную основу: под «исторической политикой» они понимают использование властного ресурса в сфере истории с целью извлечения политической выгоды.

При формировании официального исторического нарратива (производное от исторической политики) ¹¹² правящие элиты КНР активно используют полностью подконтрольные государству СМИ и школьные учебники. Важно принимать во внимание регулирующие сферу истории законодательные акты, мобилизационные кампании в сфере образования (например, кампанию «патриотического воспитания») и «места памяти» ¹¹³. Также значимым элементом исторической политики Китая являются официальные выступления председателя КНР, задающие основу нарратива, и заявления официальных лиц.

Рассматривая историческую политику в контексте темы исследования, можно заметить, что все отмеченные выше аспекты касаются в первую очередь внутривластной повестки КНР, а не непосредственно самой Японии. Однако их важно рассмотреть по трем причинам: во-первых, многие элементы исторического нарратива наряду с внутривластным имеют также и внешнеполитическое измерение. Прежде всего это касается музеев, памятников, праздников, а также статей в крупных СМИ. Во-вторых, посредством внутренней пропаганды руководство КНР формирует у населения Китая определенные представления о Японии, которые оказывают влияние на китайско-японские отношения и используются для воздействия на Токио (например, при инициировании протестов, бойкотов японских товаров и пр.). В-третьих,

¹¹¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. С. 300–301.

¹¹² Термин «нарратив» выбран не случайно. Он отражает идеологическую монополию КПК как единственного актора, формирующего историческую политику КНР.

¹¹³ Введенное в употребление французским историком П. Нора понятие, описывающее совокупность феноменов, в которых воплощена национальная память: памятники, музеи, книги, праздники, фильмы, песни и др.

внутриполитическая повестка, т.е. официальная позиция государства зачастую оказывает влияние на внешнюю политику государства.

Что касается внешнеполитического измерения исторической политики, она широко используется с целью оказания давления на оппонентов. Например, для создания негативного образа стран-конкурентов. На это, наряду с А.И. Миллером¹¹⁴, указывает и В.А. Ачкасов. Под исторической политикой последний понимает «использование истории как инструмента политической борьбы и достижения политических целей»¹¹⁵. Под политической борьбой в данном случае понимается в том числе и борьба на международной арене. Следовательно, сюда же можно отнести апелляции руководства КНР к проблемам китайско-японского исторического прошлого. В данной связи основными точками напряжения являются проблема храма Ясукуни, проблема японских учебников по истории, проблема японских извинений перед Китаем, вопрос принадлежности островов Сэнкаку/Дяюйдао и др. Апелляции к этим проблемным вопросам позволяют руководству КНР дискредитировать Токио на международной арене, а также применять к Японии меры экономического и политического давления. Эти аспекты исследуются в работах таких ученых, как Я.В. Лексютина¹¹⁶, В.А. Перминова¹¹⁷, Д.В. Стрельцов¹¹⁸ и др.

Таким образом, для полноты исследования необходимо рассмотреть историческую политику КНР, т.е. апелляции к прошлому китайско-японских отношений как инструмент достижения как внутриполитических целей, таких как консолидация населения и укрепление авторитета КПК, так и внешнеполитических целей – дискредитации Японии на международной арене (и демонстрации заслуг Китая), а также экономического и политического давления на японскую сторону посредством обращения к проблемам исторического прошлого китайско-японских отношений.

Методы исследования. Указанные задачи предопределили комплексное применение конкретных научных методов:

- **Сравнительно-исторический метод** дал возможность сопоставить исторический нарратив КНР в отношении Японии на разных исторических этапах и выявить специфику исторической политики Китая в рамках исследуемого периода;

¹¹⁴ Миллер А.И., Липман М. Историческая политика в 21 веке ... С. 25.

¹¹⁵ Ачкасов В.А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 2. С. 181–182.

¹¹⁶ Китай и Вторая мировая война / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 193.

¹¹⁷ Перминова В.А. Память о войне в Китае и ее влияние на современные японо-китайские отношения // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. №12. [Электронный ресурс]. URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840010292-0-1> (дата обращения: 31.01.2024).

¹¹⁸ Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседами: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // Японские исследования. 2020. №4. С. 78–97.

- **Историко-генетический метод** позволил проследить эволюцию исторической политики КНР, обусловленную трансформацией внутренних и внешних задач китайского руководства;

- **Системный подход** позволил комплексно рассмотреть специфику формирования исторической политики КНР в отношении Японии и выявить общие закономерности, характерные для внутреннего и внешнего ее измерений;

- **Дискурс-анализ** дал возможность проанализировать выступления, речи и заявления официальных представителей КНР и выявить конкретные элементы исторической политики КНР в отношении Японии.

- **Лингвистический анализ** дал возможность выявить особенности терминологического аппарата, характерного для исторического нарратива КНР в отношении Японии: стилистические, контекстуальные и семантические особенности используемых терминов.

Гипотезой исследования служит предположение о том, что в течение исследуемого периода основными внутривнутриполитическими целями исторической политики КНР были консолидация населения и укрепление легитимности КПК. На внешнеполитической арене историческая политика использовалась как инструмент давления на Японию с целью дискредитации последней на мировой арене, обоснования своих территориальных претензий и противодействия историческому ревизионизму со стороны некоторой части японской элиты. Это обусловило трансформацию исторической политики КНР в отношении Японии, в том числе инструментализацию исторической проблематики, связанной с китайско-японской войной (1931–1945 гг.), на новых направлениях, таких как территориальный спор вокруг Сэнкаку/Дяоюйдао и Тайваньская проблема.

Хронологические рамки. Нижняя граница исследования обусловлена назначением Си Цзиньпина на пост председателя КНР. С этого момента в силу напряженности в китайско-японских отношениях и особенностей видения новым руководителем политического курса Китая историческая политика КНР в отношении Японии претерпела трансформацию. Уточним, что он получил широкие полномочия, вступив в должность Генерального секретаря КПК в ноябре 2012 г. Поэтому последние месяцы этого года также будут учтены в работе.

Верхняя граница обусловлена окончанием второго срока пребывания Си Цзиньпина у власти. Это позволит выявить особенности осуществления 5-м поколением руководителей КНР исторической политики в отношении Японии. Кроме того, в 2022 году

китайско-японские отношения обострились на почве напряженности в Тайваньском проливе. Анализ этих событий позволит наиболее комплексно исследовать историческую политику КНР в отношении Японии. 2022 год также имеет большое символическое значение, так как является годом 50-летнего юбилея нормализации китайско-японских отношений.

Принципы отбора источников данных и характеристика источников.

Источниковая база данного диссертационного исследования может быть разделена на три группы.

Источники, используемые в данном диссертационном исследовании, представлены на русском, английском и китайском языках. Что касается документов, некоторые из них, например договор о мире и дружбе между КНР и Японией, представлены на языке стран участниц. Нас интересует, в первую очередь, китайская версия.

К первой группе следует отнести нормативно-правовые источники, а именно китайско-японские договоры, фиксирующие единый курс развития Китая и Японии. На основании актовых источников будет определено состояние китайско-японских отношений в течение исследуемого периода и проанализирована внешняя политика Китайской Народной Республики в отношении Японии. Помимо этого, данный вид источников позволит проследить историю взаимоотношений исследуемых стран.

Ко второй группе относятся заявления официальных представителей КНР по вопросам китайско-японских отношений, а именно: доклады председателей, приуроченные к важным событиям, и выступления представителей официальных ведомств КНР. Данная группа источников является ключевой для нашего исследования в связи с тем, что в заявлениях официальных представителей КНР выражается официальная точка зрения китайского руководства на проблемы, связанные с историческим прошлым в китайско-японских отношениях. Официальные заявления и выступления государственных чиновников являются основным способом реализации исторической политики в КНР, т.е. формирования исторического нарратива.

К третьей группе следует отнести материалы официальных СМИ, затрагивающие вопросы китайско-японских отношений.

Рассмотрим первую группу поподробнее. К ней относятся нормативно-правовые источники, фиксирующие единый курс развития Китая и Японии. Прежде всего это 4 китайско-японских политических документа: Китайско-японское совместное заявление от

1972 г.¹¹⁹, Китайско-японский договор о мире и дружбе от 1978 г.¹²⁰, Китайско-японская совместная декларация от 1998 г.¹²¹ и Китайско-японское совместное заявление по всестороннему развитию стратегических взаимовыгодных отношений от 2008 г.¹²² На основании данных документов регулируются китайско-японские отношения. В данной связи необходимо упомянуть консенсус по 10 пунктам¹²³, достигнутый во время встречи Си Цзиньпина и Синдзо Абэ в июне 2019 года в Осаке. Он не имеет статуса, сравнимого с китайско-японскими политическими документами, однако является важной попыткой стабилизировать отношения в кризисный период.

Кроме того, одним из ключевых вопросов, стоящих перед Китаем и Японией, является вопрос принадлежности островов Дяоюйдао (Сэнкаку). Регулирование китайско-японских отношений по этому вопросу осуществляется на основании достигнутого в 2014 году во время переговоров между членом Госсовета КНР Ян Цзечи (杨洁篪) и начальником управления отдела национальной безопасности Японии Сётаро Таниути консенсуса по 4 пунктам¹²⁴. Достижение данного консенсуса позволило КНР и Японии преодолеть кризис двухсторонних отношений, спровоцированный национализацией островов Дяоюйдао в 2012 г. Помимо этого, на сайте посольства КНР в Японии имеется ряд заявлений, выражающих претензии японской стороне по поводу нежелания признавать данные острова китайской территорией. Одним из таких документов является заявление Комитета по иностранным делам Народного политического консультативного совета Китая по поводу национализации Дяоюйдао¹²⁵. В данном заявлении правительство КНР, ссылаясь на

119 日本国政府和中华人民共和国政府联合声明 (Совместное заявление правительства Японии и правительства Китайской Народной Республики) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cn.emb-japan.go.jp/itpr_zh/bunken_1972seimei.html (дата обращения: 05.09.2023).

120 中日和平友好条约 (Китайско-японский договор о мире и дружбе) [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/201807/t20180726_9866505.shtml (дата обращения: 05.09.2023).

121 中日关于建立致力于和平与发展的友好合作伙伴关系的联合宣言 (Совместная декларация Китая и Японии об установлении дружественного партнерства и сотрудничества, направленного на достижение мира и развития) [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/199811/t19981126_269878.shtml (дата обращения: 05.09.2023).

122 中日关于全面推进战略互惠关系的联合声明 (Совместное заявление Китая и Японии о всестороннем развитии стратегических и взаимовыгодных отношений) [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676836/1207_676848/200805/t20080508_7993021.shtml (дата обращения: 05.09.2023).

123 外交部官员: 习近平会见安倍晋三 双方达成十点共识 (Представитель МИД КНР: Си Цзиньпин встретился с Синдзо Абэ, и обе стороны достигли консенсуса по десяти пунктам) [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-06/27/c_1124681233.htm (дата обращения: 05.09.2023).

124 中日就处理和改善中日关系达成四点原则共识 (Китай и Япония достигли консенсуса по четырем пунктам по урегулированию и улучшению китайско-японских отношений) [Электронный ресурс]. URL: http://sapporo.china-consulate.gov.cn/chn/zrdt/201411/t20141117_5275936.htm (дата обращения: 05.09.2023).

125 全国人大外事委员会就日本政府宣布“购买”钓鱼岛及其附属岛屿发表声明 (Комитет по иностранным делам Всекитайского собрания народных представителей выступил с заявлением по поводу заявления японского правительства о «покупке» островов Дяоюйдао и прилегающих к ним островов) [Электронный

тот факт, что остров Дяоюйдао и прилегающие к нему острова с древних времен был неотъемлемой территорией Китая, призывает правительство Японии немедленно прекратить все действия, которые наносят ущерб его территориальному суверенитету и нарушают договоренность о взаимовыгодном сотрудничестве. На основании данных источников будут выявлены особенности исторической политики КНР, предъявляемые японской стороне претензии, а также проанализированы официальные действия двух государств по достижению консенсуса. Помимо этого, данный вид источников даст возможность проследить историю взаимоотношений исследуемых стран.

Ко второй группе относятся публичные выступления и заявления официальных представителей КНР по вопросам, касающимся как геополитической ситуации в Восточной Азии в целом, так и китайско-японских отношений. Например, ответ официального представителя МИД КНР Цин Гана (秦刚) на вопрос корреспондента о высказываниях министра иностранных дел Японии о так называемой «китайской военной угрозе»¹²⁶, ответы представителя МИД КНР Кун Цюаня (孔泉) на вопросы корреспондентов на пресс-конференции¹²⁷, ответы официального представителя МИД КНР Лю Цзяньчао (刘建超) на вопросы корреспондентов на пресс-конференции¹²⁸, заявление министра иностранных дел Ван И (王毅), сделанное в связи с посещением Синдзо Абэ храма Ясукуни¹²⁹ и т.д. Кроме того, для данного исследования крайне важны официальные речи председателей КПК. Например, выступления председателей на съездах КПК, их официальные речи, приуроченные к празднованиям годовщин антияпонской войны и т.д. Также в работе анализируется доклад Си Цзиньпина на XX съезде КПК, сделанный в 2022 году. В эту группу также входят заявления официальных представителей МИД Японии, сделанные в ответ на заявления представителей МИД КНР. Например, высказывание посла Японии в

ресурс]. URL: http://jp.china-embassy.gov.cn/zrgxnew/zywjnew/201209/t20120912_9463635.htm (дата обращения: 05.03.2021).

126 Ответ официального представителя МИД КНР Цин Гана на вопрос корреспондента о высказываниях министра иностранных дел Японии о так называемой "китайской военной угрозе" [Электронный ресурс]. URL:<http://www.chineseembassy.org/rus/xwfw/fvrth/fyrbthdhdw/t228117.htm> (дата обращения: 05.03.2021)

127 Ответы представителя МИД КНР Кун Цюаня на вопросы корреспондентов на пресс-конференции 21 сентября 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t191969.htm> (дата обращения: 05.03.2021).

128 Ответы официального представителя МИД КНР Лю Цзяньчао на вопросы корреспондентов на пресс-конференции 23 июня 2005 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t201345.htm> (дата обращения: 05.03.2021).

129 Заявление министра иностранных дел Ван И [Электронный ресурс]. URL:https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1116500.shtml (дата обращения: 05.03.2021)

Австралии Ёситаки Акимото на тему послевоенного развития Японии¹³⁰, а также заявление Чрезвычайного и Полномочного посла Японии в ЕС Кадзуо Кодамы¹³¹.

К данной группе также следует отнести материалы официальных сайтов государственных министерств, на которых публикуются заявления правящей элиты КНР и Японии. В качестве основных были использованы материалы двух сайтов: сайта Госсовета КНР¹³² и сайта Министерства Иностранных Дел КНР¹³³. Помимо них были использованы материалы сайтов посольства КНР в России¹³⁴, посольства КНР в Японии¹³⁵, посольства Японии в КНР¹³⁶. Анализируемые в диссертации заявления официальных представителей Японии, опубликованы на сайте министерства официальных дел Японии¹³⁷. Все источники будут отбираться по ключевым словам, с помощью основных поисковых систем сайтов. Это позволит с большой точностью определить релевантную выборку необходимых материалов, которые будут введены в научный оборот. Нас интересуют, прежде всего, обращенные к Японии заявления официальных представителей КНР по вопросам, связанным с историческими проблемами. При этом выборка вводимых в оборот источников по вышеперечисленным вопросам выходит за пределы хронологических рамок, т.к. в исследовании необходимо проследить трансформацию исторической политики КНР на протяжении длительного периода времени. Данные источники дадут возможность выявить особенности трактовки исторических событий, связанных с китайско-японскими отношениями, и, следовательно, исследовать особенности проводимой Китаем исторической политики.

К третьей группе относятся материалы официальных СМИ. Напомним, что в настоящем исследовании в основном будут использованы официальные заявления и обращения представителей МИД КНР и других высокопоставленных чиновников. Это связано с тем, что в СМИ они лишь дублируются, а комментарии корреспондентов согласуются с официальной позицией руководства КНР. К официальным средствам

¹³⁰ “Postwar path to peace source of Japan’s pride” By Ambassador Yoshitaka Akimoto [Электронный ресурс]. URL: https://www.mofa.go.jp/p_pd/ip/page24e_000033.html (дата обращения: 30.08.2023).

¹³¹ Statements made by H.E. Mr. Kazuo Kodama, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Deputy Permanent Representative of Japan to the UN in exercise of the right of reply, following the statement made by H.E. Mr. Yang Jiechi, Minister for Foreign Affairs of the People's Republic of China at the General Debate of the 67th Session of the UN General Assembly on 27 September, 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mofa.go.jp/announce/speech/un2012/un_0928.html (дата обращения: 30.08.2023).

¹³² Госсовет КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.cn> (дата обращения: 10.03.2021).

¹³³ МИД КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/> (дата обращения: 10.03.2021).

¹³⁴ Посольство КНР в РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/lsw/> (дата обращения: 10.03.2021).

¹³⁵ Посольство КНР в Японии [Электронный ресурс]. URL: <http://jp.chineseembassy.org/chn/> (дата обращения: 10.03.2021).

¹³⁶ Посольство Японии в КНР [Электронный ресурс]. URL: https://www.cn.emb-japan.go.jp/itprtop_zh/index.html (дата обращения: 10.03.2021).

¹³⁷ МИД Японии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mofa.go.jp> (дата обращения: 25.01.2024).

массовой информации Китая относятся информационное агентство Синьхуа (新华)¹³⁸, ежедневная газета Жэньминь Жибао (人民日报)¹³⁹, общественно-политическая газета China Daily (中国日报)¹⁴⁰. Помимо этого, интерес представляют крупные западные СМИ, такие как BBC News¹⁴¹, CNN¹⁴² и др. Представленные средства массовой информации позволят определить особенности транслируемой обществу точки зрения на отношения, в частности внешнеполитические, с Японией, что напрямую связано с конструированием исторической политики, а также выявить специфику интерпретации официальной точки зрения представителей КНР за пределами Китая.

Основные результаты исследования.

- Уточнены причины и временные рамки трансформации исторического нарратива КНР от акцента на жертвенности к пропаганде образа китайского народа-победителя в войне;
- Выявлены особенности трактовки событий китайско-японской войны (1931–1945 гг.) в течение исследуемого периода;
- Проанализирована трансформация исторической политики КНР в отношении Японии в контексте внутренних и внешних задач китайского руководства;
- Доказана инструментализация Китаем проблематики, связанной с китайско-японской войной (1931–1945 гг.), в контексте территориального спора вокруг Сэнкаку/Дяюйдао и Тайваньского вопроса в отношении Японии в течение исследуемого периода;

Структура и логика исследования. Диссертация состоит из двух глав. Первая глава носит комплексный характер и создает базу для исследования причин трансформации и особенностей осуществления исторической политики КНР. В ней с целью выявления и классификации связанных с историческим прошлым противоречий Китая и Японии, будут рассмотрены события «столетия унижения». Затем будут выявлены основные этапы эволюции исторической политики КНР на протяжении всей истории государства (с 1949 г.) до начала исследуемого периода (до 2012 г. включительно). Впоследствии будут выявлены

138 新华 (Синьхуа) [Электронный ресурс]. URL: <http://m.xinhuanet.com/> (дата обращения: 10.03.2021)

139 人民日报 (Жэньминь Жибао) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.people.com.cn/> (дата обращения: 12.03.2021).

140 中国日报 (China Daily) [Электронный ресурс]. URL: <https://cn.chinadaily.com.cn/> (дата обращения: 12.03.2021).

141 BBC News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world/asia/china> (дата обращения: 10.03.2021).

142 CNN [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/china> (дата обращения: 10.03.2021)

особенности трактовки событий китайско-японской войны (1931–1945 гг.) китайскими историками в течение исследуемого периода и рассмотрена трансформация исторического нарратива КНР в отношении Японии в контексте китайско-японских противоречий относительно трактовки событий китайско-японской войны (1931–1945 гг.).

Вторая глава предполагает анализ исторической политики КНР в отношении Японии по двум ключевым вопросам: проблеме Сэнкаку/Дяоюйдао и Тайваньскому вопросу. Однако прежде необходимо будет обратиться к истории данных вопросов и охарактеризовать их состояние на момент начала исследуемого периода.

Сжатое изложение основных результатов и выводов исследования

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Историческая политика КНР, ядром которой является память о событиях китайско-японской войны (1931–1945 гг.), прошла несколько этапов трансформации. В первые послевоенные десятилетия КНР события войны замалчивались. Впоследствии они, наоборот, были преданы огласке и стали основой исторической политики КНР. Вплоть до начала XXI века Китай позиционировался как жертва японских и западных империалистов. Однако с наступлением нового тысячелетия акценты в историческом нарративе КНР начали смещаться: официальная пропаганда начала акцентировать все больше внимания на заслугах Китая, а не на неудачах последнего. Автор солидарен с мнением, что данная тенденция наиболее явно проявилась при Си Цзиньпине. Однако она существовала на протяжении всей истории государства. К тому же акцент на победе не означает забвения японских преступлений. Память о событиях китайско-японских войн на протяжении последних 40 лет оказывает сильное влияние на китайско-японские отношения. На современном этапе основные претензии Китая к Японии, связанные с военным прошлым, можно изложить следующим образом: 1. «Смягчение» трактовки событий китайско-японской войны (1931–1945 гг.); 2. Посещение высокопоставленными японскими политиками храма Ясукуни. 3. Неискренность японских извинений.

2. Особенности исторической политики КНР в отношении Японии в течение исследуемого периода можно сформулировать следующим образом: 1. Тенденция к усилению влияния памяти об антияпонской войне с акцентом на победу на внутрисполитическую повестку КНР и учреждение кампании по борьбе с историческим нигилизмом. 2. Усиление пропаганды заслуг китайского народа и вклада Китая в Мировую антифашистскую войну. 3. Акцент на историческом ревизионизме Японии. 4. Ярко

выраженный акцент на территориальной целостности КНР, а также принадлежности Тайваня и Дяоюйдао Китаю. 5. Пропаганда жестокости японских преступлений.

Большинство из этих аспектов имеют как внутреннее, так и внешнее измерения. С точки зрения внутренней политики, более выраженный акцент на победу и пропаганда заслуг китайского народа способствовали консолидации населения вокруг значимого события и культивации национального достоинства китайцев, воодушевляя их на преодоление внутренних и внешних вызовов. При этом особенно подчеркивался ключевой вклад КПК в победу в антияпонской войне. Противоречащие этому трактовки цензурировались в рамках кампании по борьбе с историческим нигилизмом. Кроме того, акцент на историческом ревизионизме Японии, угрожающей, помимо прочего, территориальной целостности КНР, а также пропаганда жестокости японской агрессии позволяли «противодействовать» историческому ревизионизму со стороны некоторой части японской элиты, легитимировать территориальные притязания Китая и представить Японию китайскому населению в качестве нераскаявшегося агрессора, стремящегося к возрождению милитаризма.

На внешнеполитической арене Китая использовал историческую политику с целью трансляции своих заслуг международному сообществу, в том числе и Японии, в рамках борьбы за региональное (мировое) лидерство; утверждения «своей» версии истории на международной арене на фоне попыток отрицания агрессии со стороны правящей элиты Японии; пропаганды жестокости японской агрессии, противопоставляя ей мирные устремления КНР; позиционирования Японии как нераскаявшегося агрессора, недостойного глобальной роли (расширения международного влияния); обоснования прав на Тайвань и Дяоюйдао и давления на Японию в контексте этих вопросов.

3. Исторический нарратив КНР в отношении Японии, связанный с китайско-японскими противоречиями относительно трактовки событий китайско-японской войны (1931–1945 гг.), в течение исследуемого периода претерпел трансформацию. Проблема храма Ясукуни и проблема трактовки событий антияпонской войны были вписаны в современный контекст. В нарративе КНР по этим вопросам наблюдался ярко выраженный акцент на заслугах китайского народа, т.е. победе в антияпонской войне и ее значимости для формирования послевоенного международного порядка. Кроме того, подношения храму Ясукуни со стороны японской элиты, противоречивые с точки зрения китайцев трактовки событий китайско-японской войны (1931–1945 гг.) в японских учебниках по истории, ревизионистские высказывания высокопоставленных японских чиновников и др. давали Китаю возможность для дискредитации Японии на международной арене как миролюбивого государства – позиционирования последней как нераскаявшегося агрессора,

недостойного расширения своего международного влияния. Подтверждением этому является кратно возросшая роль памяти о Нанкинской резне в исследуемый период. Это значимая возможность контраргументировать попытки некоторой части японского общества представить войну как вынужденную меру и продемонстрировать масштабы жестокости японцев.

Проблема японских извинений, в свою очередь, обладала большей актуальностью, когда Китай позиционировался как жертва. Однако она также влияла на исторический нарратив КНР. Это можно заметить по характерным требованиям раскаяться (反省) и переосмыслить историю (правильно смотреть на историю) (正视历史).

4. В течение исследуемого периода высокую актуальность приобретает вопрос территориальной целостности. Он особенно важен в контексте упомянутой выше концепции китайской мечты о «Великом возрождении китайской нации», которая подразумевает возвращение всех «исконно китайских» территорий «на родину». Данная концепция имеет как внутривнутриполитическое, так и внешнеполитическое измерения. Поэтому обретение контроля над Дяоюйдао становится одной из главных задач Китая в течение исследуемого периода. Кроме того, важной целью в рамках китайской мечты является фактическое воссоединение с Тайванем. И хотя Япония не является определяющей стороной в Тайваньском вопросе, в конце исследуемого периода китайско-японские отношения значительно обострились на почве японо-тайваньского взаимодействия по вопросам безопасности.

Необходимость противодействия Японии как стратегическому сопернику в контексте этих вопросов обусловила важную трансформацию исторической политики в течение исследуемого периода. Что касается проблемы Сэнкаку/ Дяоюйдао, Китай начинает напрямую увязывать действия современной Японии в контексте данной проблемы и военные преступления японской армии в Китае с целью дискредитации Японии как «миролюбивой» державы и позиционирования последней в качестве нераскаявшегося агрессора, который не вернул принадлежащие Китаю по праву победы в войне территории. Кроме того, Китай применял меры экономического и политического давления на японскую сторону. Исторический нарратив КНР также давал возможность оправдать усиление военного присутствия КНР в Восточно-Китайском море: так как в официальном нарративе Дяоюйдао позиционировались как неотъемлемая часть Китая, контроль над ними со стороны Японии был представлен как угроза национальной безопасности.

Кроме того, в конце исследуемого периода китайская элита начала гораздо более остро воспринимать действия Японии в контексте Тайваньского вопроса. Это отчетливо

проявилось в конце исследуемого периода. В попытке воздействовать на Японию и побудить ее отказаться от сотрудничества с Тайванем, Китай активно использовал историческую политику. Китайские официальные лица, помимо мер политического давления (например, отмена двусторонней встречи глав КНР и Японии), часто упоминали об исторической вине Японии перед Китаем, периоде оккупации Тайваня Японией и японских преступлениях. Увязка действий современной Японии с колониальной политикой Японской империи военных времен в отношении Тайваня представляется значимым маркером состояния исторической политики КНР в рамках исследуемого периода. Противодействие КНР со стороны Японии в контексте важных для Китая вопросов начинает восприниматься китайской элитой как проявление исторического ревизионизма. С этой точки зрения, можно говорить об инструментализации проблематики, касающейся японской агрессии военных времен с целью давления на японскую сторону как по проблеме Дяоюйдао, так и в контексте Тайваньского вопроса.

5. Современные Китай и Япония находятся в патовой ситуации – КНР в попытке решить как внутренние, так и внешнеполитические задачи апеллирует к памяти о событиях антияпонской войны. Япония видит угрозу в лице КНР и в соответствии со своими стратегическими интересами проводит политику сдерживания. Она подразумевает в том числе переосмысление военной доктрины. Китайская элита (и общество) воспринимает это как возрождение милитаризма и попытки забыть о истории японской агрессии.

6. В практическом смысле КНР выгодно позиционировать Японию в качестве страны агрессора. При этом уже на данном этапе подобный нарратив серьезно усугубляет китайско-японские противоречия. Их главный источник – разный взгляд на свое прошлое. Историческая политика не способствует их разрешению. Более того, она несет в себе потенциальные риски как для самого Китая, так и для Японии. Историческая политика не способствует утверждению позитивного образа японцев в глазах китайского населения, а, наоборот, подпитывает антияпонские настроения и реваншизм. Эти факторы могут стать угрозой внутренней стабильности государства, а также оказать негативное влияние на китайско-японские отношения и дестабилизировать ситуацию в регионе.

Положения на защиту:

1. Мотивы «жертвы» и «победителя» взаимосвязаны и присутствовали в исторической политике КНР с момента образования государства. При Мао Цзэдуне акцентировались в основном подвиги коммунистов-героев войны, которые противопоставлялись гоминьдановцам. При этом историческая политика практически не

использовалась для давления на Японию на международной арене. В 1980-х – 1990-х гг. как внутренний аспект, так и внешний аспект исторической политики КНР в отношении Японии определялись преимущественно в контексте памяти об «унижениях» Китая. Однако память о победе также играла значимую роль во внутренней политике и постепенно усиливалась. При Ху Цзиньтао можно зафиксировать тенденцию к трансформации исторической политики КНР – акценты в историческом нарративе начали смещаться, и на первый план вышли заслуги Китая. Это было обусловлено рядом внутривнутриполитических задач: необходимостью сглаживания противоречия между успехами КНР в XXI веке и образом униженного государства, а также подавления антияпонских настроений, вызванных позиционированием Китая в качестве жертвы японской агрессии. Однако это относилось преимущественно ко внутренней политике и внешне заслуги Китая практически не транслировались. При Си Цзиньпине в исторической политике КНР доминирует мотив «победителя», что оказывает влияние как на внутреннюю политику Китая, так и на его политику в отношении Японии.

2. Особенности исторической политики КНР в отношении Японии, характерные для исследуемого периода, можно сформулировать следующим образом: 1. Усиление влияния памяти о победе в антияпонской войне на внутреннюю политику КНР. 2. Усиление пропаганды заслуг китайского народа и вклада Китая в Мировую антифашистскую войну. 3. Акцент на историческом ревизионизме Японии. 4. Обоснование победой в антияпонской войне принадлежности Тайваня и Дяоюйдао Китаю. 5. Пропаганда жестокости японских преступлений.

3. С точки зрения внутренней политики, историческая политика использовалась руководством КНР для решения следующих задач: 1. Консолидация населения вокруг значимого события и культивация национального достоинства китайцев. 2. Укрепление авторитета КПК. 3. Легитимация территориальных притязаний для внутренней аудитории. 4. Позиционирование Японии в качестве нераскаявшегося агрессора, стремящегося к возрождению милитаризма, населению.

4. На внешнеполитической арене Китая использовал историческую политику с целью: 1. Трансляции своих заслуг международному сообществу, в том числе и Японии, в рамках борьбы за региональное (мировое) лидерство; 2. Утверждения «своей» версии истории на международной арене и противодействия историческому ревизионизму со стороны некоторой части японской элиты; 3. Пропаганды жестокости японской агрессии. Данный аспект имеет две задачи: обоснование мирного подъема КНР и позиционирование Японии как нераскаявшегося агрессора, недостойного усиления своего влияния на

международной арене; 4. Обоснования прав на Тайвань и Дяоюйдао и давления на Японию в контексте этих вопросов (включая методы экономического и политического характера).

5. Историческую политику можно назвать одним из инструментов Китая в контексте китайско-японского стратегического соперничества. С ее помощью КНР оправдывает территориальную экспансию, а также предпринимает попытки стратегического сдерживания Токио. Поэтому Китаю выгодно транслировать негативный образ Японии и навязывать последней чувство вины.

Апробация работы

I МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «Цивилизации Востока: взгляд из XXI века», ВШЭ, Москва, 21-22 октября 2022 г. Доклад «Суверенитет в ритуальном социуме».

Ежегодная конференция «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки», центр исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (ЦИОПСВ), Москва, 21-23 марта 2023 г. Доклад «Историческая политика как инструмент КНР (на примере китайско-японских отношений)».

V Международная конференция «Мировое большинство в новых реалиях: региональное измерение», ВШЭ, Москва, 30 ноября – 1 декабря 2023 г. Доклад «Историческая политика как инструмент регионального возвышения КНР (на примере китайско-японских отношений)».

Список публикаций автора, в которых отражены основные научные результаты диссертации.

1. Малявин В. В., Казанцев А. Е. [Верховенство мнимости. Китайское мировоззрение как ресурс нового мирового порядка](#) // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 120–138. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/verhovenstvo-mnimosti/>
2. Казанцев А. Е. [Антияпонская война и историческая политика КНР](#) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 162–173. URL: <https://pdv.jes.su/s013128120018445-0-1/?sl=en>
3. Казанцев А. Е. [Тайваньский вопрос и историческая политика КНР в отношении Японии](#) // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 9–20. URL: <https://pdv.jes.su/s013128120024221-4-1/>
4. Казанцев А. Е. [Проблема Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей в контексте исторической политики Китая в отношении Японии](#) // Юго-Восточная Азия:

актуальные проблемы развития. 2023. Т. 3. № 2(59). С. 212–223. URL:
<https://sea.ivran.ru/articles?artid=212787>